

Обсуждается феномен лабиринта в архитектуре и культуре, его происхождение, типология, смыслы, мифопоэтические значения. Образ лабиринта пронизывает века архитектурной истории, но он остается виртуальным героем, практически никогда не выступает во плоти, пребывает на границах повседневноности. Этой загадке посвящена статья.

Ключевые слова: лабиринт; мифопоэтика; значение в архитектуре; проблема существования; Тесей и Ариадна. /

The phenomenon of the labyrinth in architecture and culture is viewed together with its origin, typology, meanings and mythopoetic content. The image of the labyrinth goes through the centuries of architectural history, still remaining a virtual hero without incarnation, existing at the boundaries of everyday life. Keywords: labyrinth; mythopoetics; significance in architecture; problem of existence; Theseus and Ariadne.

< Э. Берн-Джонс. Тесей, 1872

Лабиринт / Labyrinth

текст
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Несмотря на практически полное отсутствие пространственного (и темпорального тоже!) опыта хождения по реальным лабиринтам, люди буквально всех цивилизаций их очень хорошо себе представляют. Это парадокс, и не последний: парадоксы сопровождают лабиринты на каждом повороте. Вероятно, архетипический опыт общения с лабиринтами выходит за пределы сенсорного восприятия (как бы ни было оно сильно в случае лабиринта), предшествует всякому опыту опознания и приятия Архитектуры вообще. Последнее – вряд ли преувеличение: роль изображений лабиринтов (в т. ч. встречающихся людям в журналах для досуга и в электронных играх) в формировании умения читать архитектурные планы, ориентироваться в них (включая схемы эвакуации) немала. Так что лабиринты, вопреки мифологической легенде, спасли, а не погубили какое-то количество человеческих жизней. А вместе с умением читать планы усваиваются и навыки понимания архитектуры, уже не говоря о развитии наблюдательности, памяти и самого мышления. Этот поистине удивительно, как если бы мы изучали анатомию копытных по изображениям единорогов!

Эйдос

Самый удивительный из лабиринтных парадоксов состоит в том, что они не существуют. И это обстоятельство не только не мешает их влиятельности и весомости, но, скорее, усиливает, укрепляет последние. Несуществование лабиринтов при их неувядаемой популярности позволяет задать нетривиальный вопрос: разве не к тому же стремятся все типы архитектуры, не для этого ли они уходят в тень своих архетипов? Таковы Башня, Купол, Дорога, Мост... Они же все устремлены к своему пределу, все стоят на грани физического исчезновения и перехода в сугубо семиотическое, если не сказать литературное бытие¹. Но феномен Лабиринта остается здесь непревзойденным. Лабиринт конгруэнтен своему эйдосу.

Лабиринты, несомненно, магичны. Тайна прикрывает и их происхождение, и назначение, и подлинный смысл, и силу их суггестии. Нам остается только фиксировать излучение, природу которого мы не понимаем, а часто делаем вид, что и не замечаем – с предсказуемыми последствиями; как если бы мы решили не замечать, как «фонит» Чернобыль.

Лабиринт, между тем, – очень планиметрическая форма. По сути, в нем, как в идеальном типе, важен только план. По крайней мере, план здесь гораздо важнее, нежели в других постройках и других типах, из которых все поднимают по плану стены ради утилитарных задач. Ради чего их поднимает лабиринт (если и поднимает, что вовсе не обязательно!) неясно. Но план в нем – все. И это тоже парадокс лабиринта, и тоже не последний.

План лабиринта – наиболее ригористическая конструкция из всех возможных, он состоит из границ и запретов. Для гуманитарного анализа, метафористики и мифопоэтики тут открывается раздолье. Но с технической точки зрения, с позиции теории принятия решений и пр. кибернетических формализаций, всякий лабиринт – довольно простая «да/нетная машина»; с этих позиций он давно уже не представляет ни сложности, ни интереса для инженеров. Однако войти в Лабиринт, переступить его порог – это не простая операция; выйти же из него – абсолютно другая. Вход здесь равен прыжку в пропасть, принятию риска, он делит жизнь на до и после, при этом «после» может и не быть. Согласитесь: выбор между жизнью и тем, что ею не является, неравносителен кибернетическому да/нет. Но лабиринт остается устройством выбора, совершаемого на каждом перекрестке, и может рассматриваться в качестве модели жизни и прочих динамичных процессов.

План у лабиринта один. Идеальный лабиринт – максимум одноэтажная постройка. Никто и ничто, кажется, не запрещает существование многоуровневых лабиринтов, пусть бы и с плоскими полами на дисках перекрытий, но таковые не известны. Впрочем, с существованием у лабиринтов, как мы отмечали, вообще большие проблемы.

В качестве типа – планиметрической конструкции *par excellence* – лабиринт известен издревле. Более того, о нем и сказать что-то можно только в ретроспективе – как о забытом практикой архитектурном типе. Но, как стало модно нынче говорить, это неточно; загадки тут на каждом шагу. Какая практика имела дело с лабиринтом и покинула (если покинула) его? Архитектура ли? Лабиринт – Сфинкс среди архитектурных типов.

Лабиринты, чаще всего округлых форм (а это одна из базовых форм плана древних построек вообще), несо-

1. И сама архитектура им в том спешествует, неуклонно облегчая свои конструкции из века в век, от десятилетия к десятилетию, от одного технологического апгрейда – к следующему. Возгонка эфемеризации (термин Р. Б. Фуллера) уже и саму архитектуру поставила на грань исчезновения

< Лабиринт. Иллюстрация в средневековом манускрипте

v Кносский лабиринт на античной монете

мненно имели магический, по меньшей мере ритуальный и обрядовый смысл. Собственно, они-то и есть наиболее чистая конфигурация пространства, которую можно предьявить в топике нативной, исконной архитектурной «театральности» – той, что предшествует всякому театру, что лежала (и лежит) в основе всякой ритуальности и событийности, сколь бы десакрализованными они ни стали в последующие века. Беда лишь в том, что вместе с утратой смысла лабиринтов и профанацией хождения по кругу (всех этих архаических шаманских хороводов и козловождений...) мы остались один на один с формами... готовыми «под ключ», но сам ключ потеряли.

Логос

Происхождение слова «лабиринт» (нем. Labyrinth – от др.-греч. λαβύρινθος) известно: это один из ярких примеров того, что лингвисты называют «немотивированным знаком». В самом деле, отчего здание названо по развешенному перед входом в него холодному оружию? Лабрис (греч. λάβρις) – церемониальный топорик с двумя лезвиями, мистериальное замещение рогов быка или Минотавра. Подобные стали символами Крита, но считается, что в слове «лабиринт» есть и следы лаύρα – «улицы», «переулка», «ущелья», а также ινθος – «крепости». И отчего затем это название здания стало нарицательным в отношении такого рисунка плана, которого это-то здание как раз и не имело?! Именно такая история произошла с Кносским дворцом: его план, быть может, и не прост, но совсем не запутан, не таинственен. Какое прихотливое сознание совершило столь странный кульбит? Для остроты понимания произошедшего представим, что отныне все крематории должны именоваться «штыкарни», поскольку есть мавзолей Ленина, перед ним стоят часовые с карабинами, а к карабинам примкнуты штыки! Но почему мавзолей, ведь бальзамирование – альтернатива кремации? А потому, ответят нам, что верхний ярус этого кремлевского капища точно коннотирует горелку (за счет простенков из габбро)! Точно так же нелепо связаны, отождествлены Кносский дворец и Лабиринт. Но подобные замены и замещения все же неслучайны: они скрывают какую-то истину.

Сегодня чаще мы произносим слово «лабиринт» не по назначению, в негативном свете: так мы оцениваем

запутанность, неясность планировки, ее усложненность². Но когда-то «запутанность» была желательна, а неясность ставилась целью. Отчего это, чему служили лабиринты древности (впрочем, не всегда столь уж и далекой) мы точно (до сих пор или уже?) не знаем.

Лабиринты, которые можно предоставить анализу, – это, собственно, и не здания: круги камней, прямо выходящие из традиции кромлехов и «хенждей», вряд ли вообще порывающие с этой традицией. Но что тут может дать анализ? В лучшем случае – датировку, которую все равно не к чему приобщить. С хронологией и иерархией мегалитов у нас тоже нет ясности. Понятно лишь, что мегалиты – не прошлое архитектуры и цивилизации, они и донныне сказываются во многих, гораздо более поздних сооружениях и зданиях, таясь в глубине многих типов и вступают с ними в неожиданный диалог – чаще всего, в свою пользу.

К многочисленным парадоксам Лабиринта следует отнести и отсутствие синонимов его имени. Лабиринт, как и башня, мост или храм, известен многим культурам, но лингвистического разнообразия в его случае нет. Греки, кажется, вытеснили всякие другие слова: с «лабиринтом» легко и быстро согласились все, как со «спутником» или «перестройкой». Не говорит ли это о «молодости» слова, и в особенности – о его искусственности? Не эта ли когорта греческих и римских «историков» – известных мифологов – его и выдумала? Если и сами тексты «римлян и греков» не есть шедевры средневековых и ренессансных мистификаторов, вроде Марсилио Фичино или Л. Б. Альберти! Так или иначе, но лабиринт – та идея, которой, если бы не было, ее стоило бы придумать.

Грамма

Лабиринты – едва ли не единственная архитектурная форма, равнодушная к материалу своего воплощения. Эта особенность позволяет лабиринтам легко мигрировать от архитектуры зданий к ландшафтной архитектуре, из нее – в монументальную скульптуру, в рисунок мощения пола, в орнаментальный мотив – мигрировать, оставаясь в рамках типа! На такое более не способно ничто, и это еще один удивительный парадокс лабиринта.

2. Но справедливость требует и обратного признания: все собственно архитектурное, все хоть как-то связанное со зданиями в теме лабиринтов отмечено... именно негативными эпитетами. Таков пресловутый «египетский лабиринт» Геродота, Кносский дворец, этрусские курганы по Плинию и пр. – в каждом случае использование слова «лабиринт» вызвано непониманием плана. И так ведется издревле. Что все это значит? Что лабиринт – фигура рефлексии подобных ситуаций? И рожден он не столько Архитектурой, сколько реакцией на нее? Парадокс негации, несомненно, входит в темную природу Лабиринта

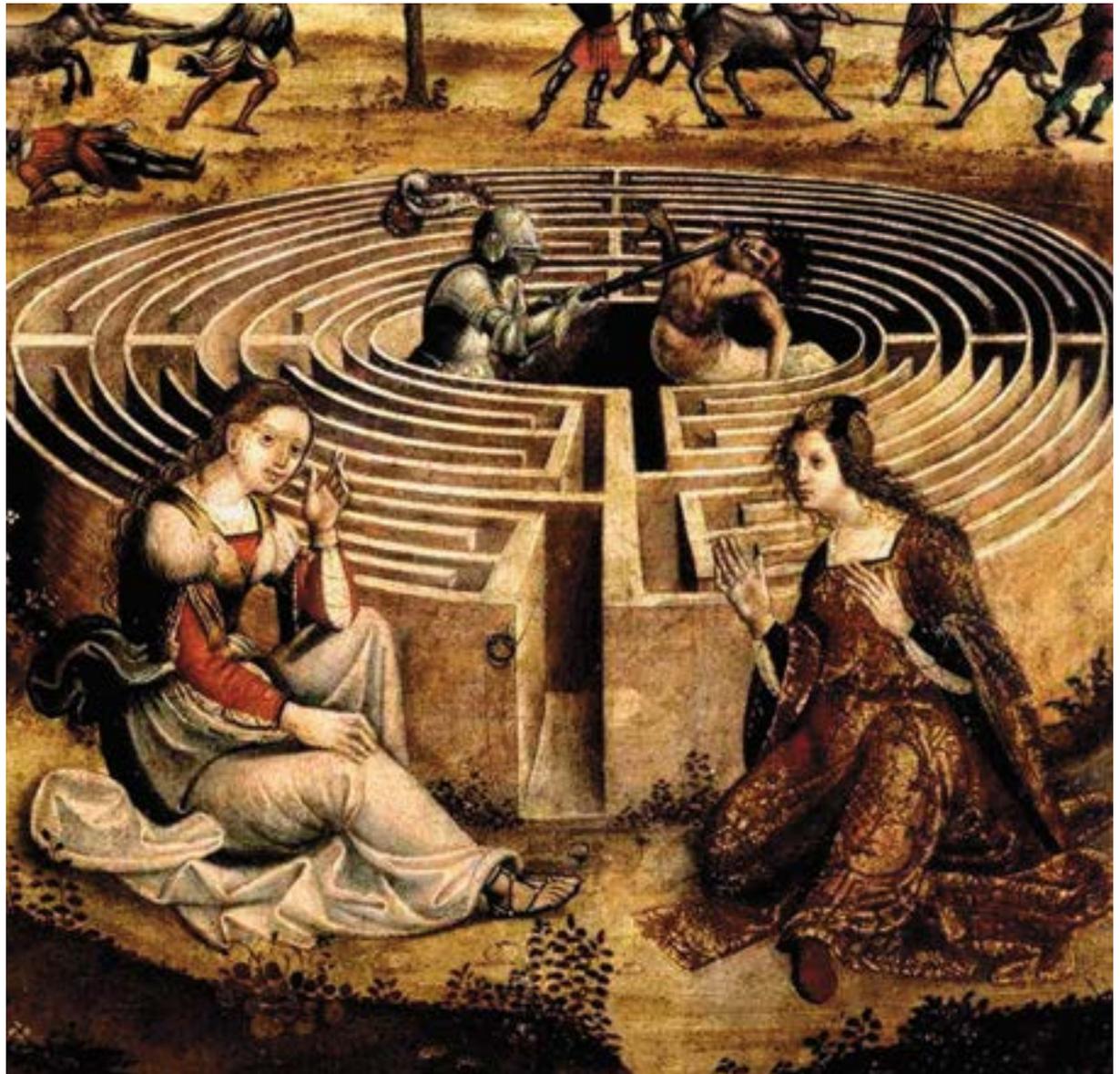

^ Баччо Бальдини. Тесей и Ариадна. Гравюра, 1460–1470

^ Лабиринт на полу Шартрского собора. Франция

v Мастер деи Кассони Кампана. Тесей и Минотавр, 1510–1520

3. Или крокодила, а точнее, того священного зверя, которого Геродот, Страбон и Плиний называли «крокодилом» в Фаюмском лабиринте. Странное сооружение из трех тысяч помещений(!), из которого фараоны управляли своим миром, мрачное и окруженное запретами... Почему, даже никогда не видя ничего подобного, мы хорошо его себе представляем? Воображаемое намного сильнее эмпирического; архетипы действуют и без контакта с ними. Представляем мы, конечно, не план, но образ; не назначение и процессы, которым остаемся чужды, но себя там. И, пожалуй, не в роли крокодила. Что за врожденная травма человеческого сознания заставляет нас это помнить? От Фаюмского лабиринта, разумеется, почти ничего не осталось

^ План одного из северных лабиринтов. Норвегия

^ Так называемый «Мурманский лабиринт». Кольский полуостров

Поэтому лабиринт – наиболее схематическая и наиболее легко схематизируемая форма (хочется сказать «формула»: формула лабиринта и есть алгоритм движения по нему). Лабиринты – схемы, хотя чего – неясно. Это не схемы выхода, ибо он-то и скрыт. Это не схемы «организации пространства», поскольку пространство здесь скорее дезорганизовано. Не схемы строительства – оно здесь вторично, оно появляется где-то на уровне сгущения или уплотнения материала, оставшегося от трассировки лабиринтных ходов, подобно тому, как уплотняются стенки тоннелей движением червя³ (что относит генезис лабиринтов к пещерам и норам). Теория принятия решений не принимает лабиринты как готовые для ее задач схемы; она предпочитает переводить их в свои собственные схемы, более аналитически и методически эффективные. Планы лабиринтов напоминают пайку микросхем, но это поверхностная аналогия: ведь стены лабиринта не связывают ничего, не соединяют узлы и сети, они лишь разобщают углы единого поля, лишая его изотропности, создавая напряжение, не находящее разрядки. Структурированное лабиринтом поле, кажется, само генерирует ток по нему.

Схема, как известно, стала предметом «рационального культа» в функционализме, там схемы также отнесены к чему-то внешнему, не совпадающему с формой и предшествующему ей. Но функционалистские схемы изобретены людьми, по месту, под нужды. Схемы же лабиринтов заставляют грезить о надчеловеческих императивах, о вневременном и нелокальном значении, на фоне которого вся прочая архитектура, все ее типы – разновидности нужников. Глобальные, космические схематизмы, таящиеся за лабиринтами, не удается присвоить никакому функционализму, сколько бы ни пришивал он белыми нитками к их геометрии свою утилитарность. Самые невысокие лабиринты глубже и выше плоского человеческого разума. Лабиринт – не для людей, там нет места спальням, туалетам, бытовкам, даже комнатам для уборочного инвентаря. Человеку там, собственно, делать нечего. И уж если человек попадает туда, делать ему надо что-то совсем иное, нежели жить, обитать.

Великая традиция лабиринтов не перестает быть архитектурной даже несмотря на то, что она противо-

стоит всем известным формам архитектурной заботы о человеке и его пространстве, и даже несмотря на то, что состоит она, по большей мере, из грез и снов, намного превосходящих в ее объеме жалкие сооружения, находямые фактологическим поиском. Все это само уже может служить уроком лабиринтов, не позволяющих «схлопнуться» в банальность нашим представлениям о том, что есть Архитектура и ее «объекты». И, разумеется, еще одним их парадоксом.

Фобос

Лабиринты – параноидальный мир коридоров, лишь из них он, по сути, и состоит. Если это коридоры с дверями – мы попали в действительность Ф. Кафки, в тенета бюрократической безысходности. Но в здании, отягощенном не только магическими задачами, коридор связывает помещения, собирает двери и проемы; в лабиринте же всякий коридор – прогон между надеждой и отчаянием. Искусно устроенная анизотропия не оставляет различия в направлении, если не знать, куда надо идти. В итоге получается метание из стороны в сторону, и, кажется, оно само уже индуцирует единственный вид энергии, поддерживающий странную жизнь лабиринта.

Это энергия страха. Если вам мало ужаса заблудиться и умереть от потери сил, то вот вам еще и Минотавр. Этот одинокий насельник пустых коридоров⁴ не то чтобы тут жил (жить в лабиринте не может даже он, лабиринт вообще не для жизни), но единственное, что он тут делает точно – ждет вас. Причем всегда. Весь этот комплекс просто не мог не стать излюбленным предметом психоанализа!

Но помимо страха, лабиринт активно вызывает и все прочие эмоции⁵ (не всем из них позволяя развернуться и оправдаться). Лабиринт – машина для эмоционационирования, самый простой и эффективный способ получить максимум эмоций в единицу времени на кв. м площади. В этом лабиринтам может позавидовать любой другой тип архитектуры (если, конечно, верить критикам, не переставшим утверждать, что смысл архитектуры – в ее выразительности и что всякое здание стремится вызвать у нас чувства).

Лабиринт не для жизни, но, возможно, о жизни? Тем более, если не забывать о том, что мы имеем дело

4. Наверное, тут надо бы уже писать «корридоров» – коридоров бегства от жуткого подобия корриды, судорожного поиска двери (door), сквозь которую не прошел бы Зверь... Это против норм русского языка, но что такое язык для Лабиринта! И ведь русское слово «коридор» – заимствование из европейских языков: немецкого *Korridor*, французского *corridor*, итальянского *corridore*, восходящих к латинскому *currere* – «бежать» (как и слово курьер, как и слово коррида). Буквальный перевод слова «коридор» – бегалище. Примечательно, что к лабиринту не проявляют интереса спортсмены и организаторы спортмероприятий: очевидно, они чувствуют инородность стоящей за ним реальности здоровым приключениям тела

5. Веселый смех дам, резвящихся в партерных лабиринтах барокко – точно такой же игровой субститут крика ужаса, что и во всех остальных схожих ситуациях, которые описывал Десмонд Моррис, изучая поведение приматов

^ Северный каменный лабиринт. Кольский полуостров

^ Сады замка Вилландри. Франция, XVII–XVIII вв.

6. Кроссворды, сканворды и прочие «ворды» – такие же родственники лабиринтов, как и Стоунхендж и прочие «хенджи». Разделяя с лабиринтами места на последних страницах популярных изданий, выстраиваясь по принципу лабиринтов и выглядя как лабиринты, они лишней раз намекают на семиотическую природу нашего героя лишь только в силу сохранности строительных материалов, а больше – по недоразумению оказавшегося причисленным к ведомству архитектуры

7. Правда, с одной сушилкой для бутылок нечто подобное произошло, но это уже другая история

8. В смысле «устройство, позволяющее получать полезную работу, большую, чем количество сообщенной ему энергии». Но и в метафорическом смысле вечной активности – тоже

9. Уж если низменной, то, в случае Лабиринта, можно предполагать: самой низшей. Инфернальной

10. Речь об «ухе Диониса» – органе зачатия сверхчеловека. Ухо – самый лабиринтный орган, помимо кишечника. У него целых два лабиринта – внешний и внутренний, соединенные подобием платоновой пещеры с совершенным экраном – мембраной. Углубляться не стоит: интерпретации мозга как лабиринта ныне популярны и едва ли

не столько с типом архитектуры, сколько с сюжетом, а то и жанром литературы. А в жизни, если верить, всегда появляется спасительное; у всякого Тесея найдется своя Ариадна. Витальная гибкость ума, хитрость выживающих, находчивость заблудших, наконец, любовь и соитие возлюбленных – все это побеждает инертные камни – если не по правилам сопромата, то, по крайней мере, по законам литературы. С живым лабиринт обходится примерно так же, как крепкий алкоголь: понемногу убивая, дарит остроту переживания момента. Но убийство Минотавра окончательно обесмысливает Лабиринт: литература уходит; она может себе это позволить: ведь ей уже неинтересно. А продолжение истории напишут другие; архитектура остается: она обречена сама писать свои истории и продолжения, вспоминать прошлое, скорбеть над руинами и грезить о вечном.

Годос и Телос

Основная и латентная категория Лабиринта – путь. Основная – потому, что всякий лабиринт и все они вместе есть воплощенный Путь, с его заблуждениями и тупиками, с постоянным ожиданием находок и неожиданно обнаруживающимися выходами. Латентный – потому, что верный путь скрыт, и это сокрытие – миссия Лабиринта, его смысл, как смысл кроссворда – вывести на ключевое слово, присутствующее в его структуре, но не названное в ней⁶.

Путь, утверждает Дао, везде и нигде. Окружность везде, а центр нигде... Понимание того, что лабиринты есть модели Мира, родственные мандалам, никогда не покидало человечество (в отличие от действительного исторического смысла лабиринтов); оно, видимо, и заставляет пристально глядеться в их орнаменты.

И все же «путь» звучит очень оптимистично, целенаправленно, векторно... Слишком прямолинейно для лабиринта. Скорее надо говорить о поиске пути в лабиринте. Тогда на первый план выходит Поиск. Ведь путь скрыт, а поиск – нагляден, он есть едва ли не озаглавленное лабиринта, его эмблематический призыв (то, что в геральдике называют «девиз»). Лабиринт – совершенная визуализация поиска, его готовый логотип.

Одна из метафор лабиринта – свернувшаяся змея – не выдерживает критики со стороны морфологии (хотя

и сильна символически: вот редкий парадокс!). Уроборос – змей, пожирающий самого себя – разумеется, близок Лабиринту смыслами жертвы, обновления, вечного возвращения. Он также есть космогонический, солярный символ, в частности – в своем родстве со свастикой – одним из излюбленных паттернов для составления лабиринтов. Но он очень цикличен, самотождествен; его вход равен его выходу. Лабиринт все же нелинеен: хоть Уроборос и складка, лабиринт – целое море складок. А в лабиринте, что ни говори, размер имеет значение: количество его извилов перерастает в качественные различия на выходе: где и кем (или чем) окажешься?

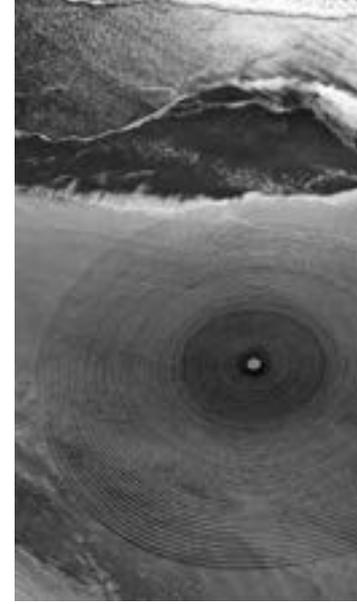
Если уж циклы, то, скорее, лабиринт – это кишечник – человека или крупного животного. Нутро зверя, попав в которое просто так, сохранным, не выйдешь. Лабиринты органических очертаний, частые на побережье северных морей – не есть ли они разделочные доски для кишок Левиафана? Быть может, напрасно поморские лабиринты относят к мегалитическим постройкам; они ближе хозяйственным сооружениям, вроде выбивалок для ковров, коптилок или сушилок для рыбы? И что же, вот и вся магия?

Не тут-то было! Никто не сакрализует сушилки для белья⁷. И мало где, кроме лабиринтов, достижима столь быстрая и мощная возгонка чувств и воображения столь скромными средствами. Лабиринт, этот Perpetuum mobile архитектурной экспрессивности⁸, просто не мог остаться в ранге хозпостройки ни при какой реальной функции, ныне утраченной и забытой, пусть бы и самой низменной⁹. Он слишком будоражит сознание своими молчаливыми вопросами, которые человек все же продолжает слышать и отзываться на них.

Хождение лабиринтами, пусть и виртуальными, мог бы иллюстрировать кантианский принцип *als ob* – «как если бы». Как если бы была цель – целесообразность без цели. Лабиринты причастны игре, каковы бы ни были ставки; в них все мнимое, «ненастоящее», даже смерть; все отчуждено и «закавычено» – весь Большой Мир вынесен за скобки. Как если бы есть куда идти, как если бы знаем путь, как если бы имеем цель... Как если бы нельзя переступить грань, перепрыгнуть камешек, перелезть через кустик... Но нельзя: лабиринт не прощает, ведь он

^ Парковый лабиринт Орта. Барселона, Испания

^ Джим Деневан. Эпические песчаные рисунки. Калифорния, начало 2000-х

als ob модель с обратной связью: на этом кантианском принципе построена вся Природа.

Быть может, лабиринтостроительство отражает какой-то неведомый нам опыт путешествий в сложных, запутанных пространствах и мирах? Опыт, ставший едва ли не тривиальным, продолжая оставаться потенциально опасным и требующим регулярной тренировки, вроде сегодняшнего вождения автомобиля. Быть может, лабиринты – это тренировочные площадки и устройства, автодромы забытого способа передвижения, трансцендодромы Золотого Века? Не оттого ли они столь близки нам, но и далеки от нас, занимая в коллективном бессознательном место подростковых воспоминаний: они то ли напоминают нам о каком-то невыученном уроке и несданном экзамене, то ли тревожат предчувствием грядущей переэкзаменовки. Ведь лабиринты – при всей их морфологической простоте (которую, однако, не назовешь незамысловатой и бесхитростной!) – меньше всего похожи на покинутую колыбель, на скорлупки, оставленные оперившимся и улетевшим ввысь, на артефакт навсегда пройденного этапа развития. Кажется, запущенная ими инициация подспудно продолжается, как продолжают периоды полураспада в древних реакторах, найденных археологами.

«Лабиринт – уже не тот путь, где можно потеряться, но тот путь, который возвращает», – пишет Жиль Делёз, анализируя ницшеанскую интерпретацию истории Ариадны как движение к сверхчеловеку. Для Ницше и Делёза значимы обручальное кольцо и ухо¹⁰ – символы пролонгированного преодоления грани, образы вечного возвращения. Они эротичны настолько же, насколько и трансцендентны всему телесному: ведь путь инициации пролегает не по земле, не по полу.

Эрос и Танатос. Блуждания вечные

Лабиринты могут показаться сооружениями, предназначенными лишь для того, чтобы из них выйти, и как можно скорее. Но так ли это? Да, поиск выхода – значимый опыт, важная работа, навыки ее успешного осуществления можно использовать универсально. Но только ли поиск, только ли обнаружение выхода составляют смысл (или, если угодно, функцию¹¹) лабиринта? Ведь форма его – не маршрут поиска, но стезя блуждания.

Лабиринт – заповедник блуждания (и, по этимологии слова, – заблуждений, блуда¹²). Функционализм публичных домов мог бы состоять не в уподоблении больницам, отелям или конторским норам, а в сигнификации безнадежности обслуживаемого ими занятия; здесь планы лабиринтов могли бы помочь! Впрочем, символизм борделей стоит функциональности лабиринтов – это два «слепых пятна» нашей околоархитектурной оптики. Что же до хождений по кругу, то нынче они приватизированы гипермаркетами, всемерно оттягивающими момент вашей встречи с кассой на выходе.

Заканчивая с рекомендациями организаторам притонов и действующих капищ Венеры, Меркурия и Мормоны, отметим несомненную языческую принадлежность лабиринтов. Какова бы ни была их магия, ритуалы и обрядность, все это отброшено христианством или перекроено им в духе апофатической парадоксалистики¹³. Христианские храмы светлы, даже если это пещерные церковки, а лабиринт всегда темен, пусть бы и составлен из белых камней на зеленой траве под солнцем.

Стены лабиринта мыслятся непроницаемыми для взгляда, тяжелыми и непреодолимыми в непредусмотренном плане направлении. Они мыслятся таковыми, даже если это невысокий стриженный кустарник или ряд валунов. Лабиринт может быть сделан и из стекла: витражные плоскости его стен стали бы апофеозом модернистского пространства¹⁴ похлеще барселонского павильона Миса, а дезориентация была бы обеспечена даже лучше, чем в случае бесконечных глухих коридоров. И тут неизбежно вновь вспоминается экзистенциальный мрак прозрачности, художественно описанный в памфлете Е. Замятина «Мы», инструментально реконструированный М. Фуко в «Рождении тюрьмы», но близоруко незамеченный апологетами «логики и света» архитектурного радикализма – Г.-Р. Хичкоком, Б. Дзевеи, А. Уиттиком, Ю. Ёдике и пр.

Этос. От онтологии к метафоре

С лабиринтами связан еще один парадокс: ни один из реально существующих лабиринтов, каков бы ни был его размер и материал, не способен репрезентировать тип целиком. Купола или мосты, колонны или арки проде-

не лежат уже на поверхности, но греки и другие древние не опускались до столь низкопробного натурализма

11. Луис Салливен сказал бы: «Как форма лабиринта соответствует его функции, так и функция выхода отвечает форме движения к нему». Модернизм успешно заблудился в таких тавтологических формулах, позволяющих, помимо прочего, постоянно уходить от ответов на вопросы, что же это такое – функция лабиринта, розового куста или облака...

12. Или распутства (хождения разными путями), по Павлу Флоренскому

13. «По всей видимости, лабиринты были использованы церквями христианского мира для того, чтобы показать жизнь христианина в рамках канонов мифологии, придуманной древними египтянами. Церковные лабиринты также использовались для инсценировки походов крестоносцев на Иерусалим. Достичь центра лабиринта означало достичь Иерусалима и добиться спасения. Для некоторых религиозных людей лабиринт представлял собой дорогу, ведущую к раскаянию; чтобы получить прощение грехов, по ней нужно было проползти на коленях, а ритуальное шествие по этой дороге заменяло паломничество в Святую землю», – сообщает Википедия

14. Не являются ли супрематические композиции Малевича инкарнацией лабиринтных построений? (Или уж просто – продуктом т. н. «лабиринтного сознания»?) И не проступает ли в кракелюрах «Черного квадрата» не покрашенный букет и не побежденное мраком Солнце, но Лабиринт – Дом Князя Тьмы? Авангард и модернизм заигрывали с архаическим, с его возвращением; лабиринт им не чужд

15. Хочется спросить: кем или чем? Нашим «здоровым смыслом»? Институтами типового проектирования? В. Я. Пропп показал, что баба яга

лыгают такое легко и непринужденно; кажется, они даже начинают свару и гвалт за право такой репрезентации! К лабиринту же необходимо приложить усилие воображения, именно принудить его представлять (здесь: играть роль) свою типологическую нишу. Он едва соглашается играть эту роль: на время, с оговорками, не в полную силу. Тем самым никакой лабиринт не является лабиринтом вполне, впуская в себя еще и что-то иное, а все они в разной мере проникают во многие другие типы, рода и виды. И при этом лабиринты мгновенно и безошибочно опознаются, их универсалия крепка и автономна. И это, напомним, при почти полном отсутствии существования! Если бы идеальное допускало модальности и градации, то можно было бы сказать: лабиринт более идеален, нежели любой другой его собрат из какой бы то ни было типологии зданий и сооружений – от Кенси до Гинзбурга, от Витрувия до СНИПов.

Существования лабиринты лишены¹⁵, но Бытию принадлежат вполне. Различие фундаментально, особенно если

учесть, что подавляющее большинство позиций в нашей профессиональной «типологии зданий», напротив, напрочь лишены бытийных корней, но наделены существованием без всякой меры. Последние несут в этот мир суету и забвение, засоряют планету строительным мусором (пусть и в виде соответствующих организованностей материала – тем сложнее его утилизация); они забывают наши сенсорные «поры», делая нас менее чувствительными к их внебытийной агрессии, адаптируют нас под себя. Лабиринты же, напротив, проводят – и мощно – в этот мир что-то подлинное (хотя, возможно, и не менее опасное). Беда наша в том, что мы уже стали нечувствительными к этому подлинному, не опознаем его, приклеиваем к нему легковесные ярлыки из энциклопедий знаков и символов.

К парадоксальному характеру лабиринтов надо отнести и их принципиальную двойственность. Это не противоречивость: лабиринты, кажется, чрезвычайно целостны, идейно монолитны (их части полностью подчинены целому, у них высокая партийная дисциплина); это бинарность

v Роберт Смитсон. Спиральная дамба, 1970

– онтологическое качество, сущность. Ведь Лабиринт – одна из ипостасей Мирового Древа, интерьер его развесистой кроны. Лабиринты соединяют полярное, пусть и самым прихотливым способом. Лабиринты совмещают недостаточность с избыточностью (их морфология избыточна, но всегда кажется лишь фрагментом чего-то большего), недосказанность – с откровенным выбалтыванием сокровенного (тут даже выход надежно не спрячьешь), четкую логичность – с лукавством ловушек, внешнюю простоту – с отчаянной сложностью... Противоположности аннигилируют: пройдя лабиринт, уже не испытываешь ничего, даже эмоционального облегчения. Лабиринтами не утолишь жажду познания.

То же и с пресловутой «организацией пространства»: оно здесь предельно запутано и разобщено, но степень предумышленности и ответственности разобщения такова, что являет собою едва ли не высшую меру организации¹⁶. По крайней мере – пространство здесь структурировано. Правда, структура эта странна. Ей не отказать в строгости, даже жесткости, но остается открытым вопрос: зачем она? Точность плана не воплощается здесь в стенах, между которыми могло бы происходить что-либо отличное от того, что произошло бы при любой другой трассировке коридоров ожесточенного поиска. Не принять же допущение, что лишь определенное движение вызывает здесь какой-то эффект (к этому склоняют эзотерики), ведь полный алгоритм не задан морфологией лабиринта, поскольку отсутствует множество исходных параметров: масса тела, скорость, время, температура сред и пр. С таким же успехом можно бегать вдоль тоннеля Большого адронного коллайдера – бозоном Хигса не станешь. Так что пока мы используем лабиринты скорее метафорически, как «древние египтяне» доставшиеся им великие пирамиды. Но и им, и нам хватает и этого: слава пирамид и лабиринтов не меркнет.

Сколько ниточке ни виться...

Все рано или поздно кончается, в том числе и странствие по лабиринту. Вопрос всегда лишь в одном: чем кончается? Успешность пройденного земного пути нередко маркируют фразой: «Оставив свой след на земле». В случае архитектуры следы получаются массивные и объемные, оставить их непросто, но и избавиться от них землю, если что не так, тоже нелегко. Отсюда груз ответственности, который не дает архитекторам, в отличие от инвесторов и строителей, так вот запросто «наследить». Это даже не социальная ответственность – метафизическая, груз генетической памяти, со все большим трудом, но все же воспроизводимый в современной профессии.

Лабиринты, кажется, дают причудливую альтернативу этой проблематике: они суть следы неведомой деятельности, идеи или стихии (как пресловутые круги на полях) – чего-то большего, чем человеческие притязания, но умеющего обходиться малым. Следы эти, разбросанные по миру, эти отпечатки папиллярных линий гигантов, не сильно отягощают землю, но их влияние неотменимо и постоянно.

Лабиринт вообще можно было бы считать совершенным антагонистом здания, причем здания любой типологии. Это какое-то воплощенное антиздание, даже тогда, когда представляет собою внятный строительный объем (где бы такой найти!). И дело не в отсутствии зданий-лабиринтов (претенденты на такое звание найдутся), не в засилье парковых лабиринтов в обсуждаемой нами нише (Новое время особенно преуспело в вытеснении из нашего воображения лабиринта как здания и в замене его безопасным и контролируемым партером). Дело даже не в «функции». Здание – комплекс осуществленных умений и знаний, сочетание усилий многих ремесел, искусств, профессий; в нем всегда есть иерархия элементов,

тектоника (или уж ее сознательное нарушение), масштабные уровни и, наконец, различные, использованные для разных частей материалы. В лабиринте ничего этого нет. Он монолитен, монотонен, его масштаб неопределим, а всякая его часть равна другой и тождественна целому. Для лабиринта не существует различия: быть идеей, рисунком, или постройкой; его осуществление не является разрыванием замысла: он равен своему замыслу в любом своем состоянии. Все это способно привести в отчаяние методолога проектирования, но очень нравится архитектору: видимо, намекает на какие-то архетипические способности и свойства вещей, доступные в магии, в архаике, а ныне – в измененных состояниях сознания¹⁷ (не туда ли спроваживают лабиринты?). Впрочем, иногда кажется, лабиринты довольно равнодушны и к мастерству исполнения, и к качеству; не это для них важно.

Пусть лабиринт – антиздание, а профессия очень далеко ушла от породившей его традиции. Но можем ли мы считать, что Лабиринт идет вразрез с содержанием и смыслом Архитектуры? Ответ на этот вопрос означал бы наличие точного знания, что же такое Архитектура, где проходят ее границы, где пределы приемлемого для нее, что входит, а что ни при каких обстоятельствах не входит в ее ареал. И надо уметь ухватить и удержать смысл Архитектуры, понимать, чему она отвечает в раскладе бытийных сил и вопросов, на какие подлинные, а не редуцированные в предметы прикладного индустриального утилитаризма запросы человека она отзывается. (Не мешало бы также знать, что такое Человек).

Пока нет ответов. Будут ли? С уверенностью можно сказать лишь одно: лабиринты слишком предумышленны, искусственны, целостны, самодостаточны и красивы, чтобы не быть частью великой традиции. Известная нам история архитектуры не имеет ничего против, чтобы собою эту традицию продолжать и представлять. А история человеческой культуры и вовсе отказывается отрывать светские парковые прогулки с легким куртуазным возбуждением или разгадывание занимательных головоломок – от уходящих в тень древности легенд (если новая история не сама эти легенды и придумала!). Достаточное ли это основание для признания тезиса о причастности лабиринтов нашей архитектуре? «Каких лабиринтов и какой архитектуре?» – законный вопрос для систематизаторского знания, но неуместный в свете всего нами сказанного, запрещенный в нашей попытке увидеть феномен. Ведь мы не рассовываем по полочкам находки из архивов и экспедиций; мы заново прокладываем путь к пониманию, поставив под вопрос все полочки и все бирки с надписями к экспонатам. Мы еще в экспедиции: ответы на такие вопросы означают ту или иную форму самоопределения, они обращены не к инертным вещам – к самому вопрошающему.

Представим себе, что мы ровным счетом ничего не знали об архитектуре на планете Земля, искали ее и не могли найти. Обнаруженный лабиринт – любой! – тогда стал бы сигналом «WOW!» такого скудного поиска. Это было бы открытие, несомненное доказательство существования (!) архитектуры на этой планете. Не всякое здание (например, жестянки Гери) и даже не всякий город имеет шансы быть в таком качестве опознанным. И это тоже парадокс лабиринтов, и тоже не последний, хотя круг и замкнулся: Змея поймала свой хвост.

Но что делать с таким «сигналом» дальше – неясно. Сигналы такого рода все не складываются в мелодию или текст, все еще остаются одиноком гласом, ни ответить на который, ни прийти на помощь или попросить помощи от них мы не в состоянии. Нам остается породить всю нашу архитектуру в надежде то ли нащупать случайно резонанс, то ли забить уж окончательно строительной массой тихий, едва уловимый зов лабиринтов.

существует – в действительности волшебных сказок. Не все существующее в действительности есть сущее в реальности. Фантастические животные тоже существуют, надо лишь знать места

16. Лучшее наказание для плохих организаторов – заточение в лабиринт! Впрочем, Ф. Кафка это уже понял

17. Можно выдвинуть предположение: опыту, сформированному деланием лабиринтов, сегодня больше причастен лэнд-арт и родственные ему художественные практики, нежели архитектура или ландшафтный дизайн. Разумность и порядок спорят в лабиринтах с безумием и хаосом, рефлексированное – с сугубо эмпирическим, неспешность созерцания – со слепой паникой. Скорее, даже не спорят, а каким-то образом, симбиотически, уживаются. Можно считать, что рисунок плана требует предварительного промысливания его и прочерчивания на промежуточном носителе – не сразу на земле.

Но можно допустить и высокую долю спонтанности в разбивке лабиринтов, и уж точно – чувственное переживание их делания. В последнем сливаются и кинестезия непосредственного среднего присутствия, и настройка на резонанс с ландшафтом («толчок земли» Кастанеды), и эмпатия субстанций, и тактильность текстур, и окаянство манипулирования, и искус введения в заблуждение, и грех дльющегося обмана. Без всего этого лабиринт не построить. Лабиринт, таким образом, тоже комплекс разного, но это комплекс шамана, забытый архитектурой, отрешившейся от всего темного, греховного и двусмысленного. Архитектура с Просвещения предпочла свет, логику, разум, ясность, она поменяла символы на аллегории, а мрачные стены подземелий – на стеклянные фасады и топиарные фигуры. Архитектор порождает теперь произведения в стерильной атмосфере мастерской, а вовсе не в низменном материале их конечного воплощения. Искусство среагировало на образовавшийся перекос, обратилось к земле и грязи, камням и воде, телу и субстанции, поту и крови живых создателей ad-hock символического, таких как М. Хейзер, Р. Смитсон, Й. Бойс и др.